

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

005051242

На правах рукописи

Мимоход Роман Алексеевич

**ЛОЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА.
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ПРИКАСПИЙ
НА РУБЕЖЕ СРЕДНЕГО
И ПОЗДНЕГО ПЕРИОДОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА**

Исторические науки:
Специальность 07.00.06 – археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

4 АПР 2013

Москва
2013

Работа выполнена в отделе бронзового века Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук.

Научный руководитель:

Заведующий отделом бронзового века Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук, кандидат исторических наук **Гей Александр Николаевич**

Официальные оппоненты:

Кияшко Алексей Владимирович, доктор исторических наук, заведующий Кафедрой археологии и истории Древнего мира Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»

Резепкин Алексей Дмитриевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории материальной культуры Российской академии наук

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры Государственный исторический музей

Защита состоится «22» марта 2013 г. в 12.00 часов на заседании совета Д002.007.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте археологии Российской академии наук по адресу: г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, 4-й этаж, конференц-зал

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИА РАН по адресу: г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

Автореферат разослан « 21 » февраля 2013 г.

Ученый секретарь совета,
доктор исторических наук

Е.Г. Дзвлет

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Финал среднего бронзового века на юге Восточной Европы – это время кардинального переоформления культурной ситуации. На огромной территории от Дуная до Урала произошел распад катакомбной культурно-исторической общности, на осколках которой сформировался блок посткатакомбных культурных образований.

До недавнего времени пласт памятников этого времени в степном Предкавказье выделен не был. Данная ситуация диссонировала с территорией Волго-Днепровского междуречья и Северного Причерноморья, где катакомбные древности отделены от позднебронзовых комплексами культуры Бабино. Складывалась парадоксальная ситуация. Понятие «финал средней бронзы» за пределами ареала бабинской культуры оказалось не наполнено конкретным материалом, поэтому в литературе утвердилось мнение о том, что катакомбные культуры не исчезают одновременно, а в Предкавказье и Нижнем Поволжье позднекатакомбные памятники доживают до начала позднего бронзового века. При этом остро ощущалось явное отсутствие прямой генетической связи между катакомбными и позднебронзовыми древностями. Как следствие, одной из наиболее актуальных проблем для археологии бронзового века Предкавказья является выделение пласта памятников финала СБВ, который занимает хронологическую позицию между катакомбными и срубными древностями. Это представляется особенно важным с учетом того, что сейчас все более становится очевидным участие посткатакомбных образований в генезисе памятников поздней бронзы, а многие стандарты инвентарного комплекса и погребальной обрядности таких масштабных культур как срубная, сабатиновская и алакульская были заложены именно в посткатакомбное время.

Цель и задачи исследования. *Целью* настоящего исследования является разработка концепции происхождения и развития лолинской культуры. Для ее достижения необходимо решение следующих *задач*:

1. создание реестра и систематизация всей имеющейся на сегодняшний день источниковой базы посткатакомбных погребений Предкавказья;

2. выявление основных черт погребального обряда и материальной культуры, определение их культурной специфики;

3. разработка периодизации лолинских памятников, относительной и радиоуглеродной хронологий;

4. установление характера и направленности межкультурных связей;

5. раскрытие механизмов происхождения культуры;

6. определение основных закономерностей развития Лолы, ее исторической судьбы и значения для культурогенеза начала позднего бронзового века.

Таким образом, *объектом исследования* являются погребальные памятники финала средней бронзы Восточного Предкавказья: археологические следы погребальных ритуалов, сопроводительный инвентарь, овеществленные проявления хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуры населения региона данного периода.

Предмет исследования – происхождение, развитие и историческая судьба лолинской культуры, а также культурно-исторические процессы в Предкавказье и в сопредельных регионах на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века.

Методы исследования обусловлены поставленными целью и задачами. Помимо общенаучных их основу составляют специальные методы археологических и исторических исследований. К ним относятся типологический, сравнительно-стратиграфический, картографический, корреляционный, комбинаторно-статистический, историко-сравнительный. Особое значение для решения поставленных задач имеет

комплексный подход к археологическим источникам, когда наряду с традиционными археологическими процедурами активно применяются методы и данные естественно-научных дисциплин: палеопочвоведения, палеоклиматологии, антропологии, данные химического состава металла, трасологического анализа костяных и роговых изделий, радиоуглеродного датирования, археозоологических и биоморфных определений образцов из лолинских погребений и памятников соприкасающихся территорий.

Географические рамки исследования соответствуют основному ареалу лолинской культуры. Он охватывает Ергенинскую возвышенность и прилегающие районы Сарпинской и Прикаспийской низменностей, кумо-манычскую впадину и восточную часть Ставропольской возвышенности в пределах современных административных единиц: республика Калмыкия, Ставропольский край, Астраханская и юг Волгоградской областей.

Хронологические рамки исследования по серии калиброванных ^{14}C данных лолинской культуры устанавливаются в пределах XXII–XVIII вв. до н.э., что соответствует финалу средней – началу поздней бронзы.

Источниковая база представлена подкурганскими захоронениями лолинской культуры. Их учтенный реестр насчитывает 307 погребений из 87 могильников. Для обоснования и корректировки выводов использовались архивные и опубликованные материалы по культурам среднего и позднего периодов бронзового века степной – лесостепной зон юга Восточной Европы, Урала и Кавказа, непосредственно связанные с темой диссертации.

Научная новизна. Впервые дана обобщающая характеристика лолинских памятников, и на массовом материале обосновано выделение новой культуры. Разработана оригинальная концепция происхождения и развития лолинской культуры. Создана трехэтапная периодизация посткатакомбных древностей Предкавказья, установлена их относительная и радиоуглеродная хронологии. Особую новизну имеет опре-

деление места лолинских памятников среди древностей средней – поздней бронзы и в системе взаимосвязей степных и кавказских культур. Впервые на материалах Лолы удалось раскрыть конкретный механизм действия завершающей фазы кавказского очага культурогенеза, связанный с миграцией в степь части населения Северо-восточного Кавказа. Выделение лолинской культуры позволило по-новому взглянуть на модель культурно-генетических процессов начала поздней бронзы, в частности, на происхождение Синташты. Для колесничных памятников Южного Урала удалось конкретизировать одну из составляющих их генезиса, в котором активное участие приняли группы населения кавказского и предкавказского происхождения, в том числе посткатакомбной лолинской культуры.

Практическая ценность исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при написании обобщающих научных работ по эпохе бронзы степной полосы Восточной Европы, подготовке учебно-методических пособий, спецкурсов по бронзовому веку указанной территории для студентов исторических факультетов ВУЗов, создании сводов и карт археологических памятников Предкавказья, при организации музейно-экспозиционной деятельности.

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Она состоит из пяти глав, введения, заключения, списка литературы и архивных источников, а также приложений, содержащих рисунки, таблицы, графики и данные естественно-научных дисциплин. Глава 1 посвящена истории выделения и изучения памятников финала среднего бронзового века в Предкавказье, глава 2 – характеристике погребального обряда лолинской культуры, глава 3 – характеристике погребального инвентаря и культурно-типологическим сопоставлениям, глава 4 – периодизации, относительной и радиоуглеродной хронологиям лолинских памятников, глава 5 – происхождению культуры и ее исторической судьбе. В заключении подведены краткие итоги диссертационного исследования.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были представлены на научных археологических конференциях в городах Москва (2003, 2004, 2007), Волгоград (2004, 2007), Луганск (2005, 2012), Воронеж (2006), Сухум (2006, 2008, 2011), Новосибирск (2006), Нальчик (2006), Махачкала (2007; 2012), Владикавказ (2008), Магас (2010), Краснодар (2009), Оренбург (2009), Астрахань (2010), Уфа (2010), Старая Руса (2011), Санкт-Петербург (2012). Основные результаты исследования отражены в 38 научных публикациях, в том числе в двух монографиях. Три статьи вышли в изданиях, рекомендованных ВАК для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяются цели и задачи исследования, кратко характеризуются основные источники и применяемые методические приемы, оценивается научная новизна работы. Устанавливаются хронологические и территориальные рамки исследования.

Глава 1.

История выделения и изучения памятников финала среднего бронзового века в Предкавказье.

История полевых и аналитических исследований памятников посткатакомбного периода насчитывает более 80 лет, которые нашли отражение в ряде научных статей и монографий.¹ Первые захоронения лолинской культуры были раскопаны П.С. Рыковым в Центральной Калмыкии. Им же

¹ Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья (по археологическим материалам). – Саратов, 1936; Синицын И.В.. Древние памятники Восточного Маныча. – Саратов, 1978. – 132 с.; Эрдниев У.Э. Археологические памятники Южных Ергеней. – Элиста, 1982. – 153 с.; Сафронов В.А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охра-

был задан один из векторов культурной атрибуции этого пласта захоронений. Исследователь отнес комплексы к стадии С хвалынской культуры, т.е. по сути к срубным древностям (Рыков, 1936).

Новостроечные масштабные раскопки И.В. Сеницына и У.Э. Эрдниева в 60-х гг. прошлого века привели к открытию большого количества погребений лолинской культуры в могильниках у с. Лола и на Восточном Маныче. Причем, первая представительная серия лолинских захоронений была получена в I-м и II-м Лолинских могильниках, исследовавшихся в 1961–1963 гг., что впоследствии дало основание назвать новую культуру «лолинской».

И.В. Сеницын и У.Э. Эрдниев в своих работах обозначили второе направление в культурной атрибуции лолинских памятников. Отрицая сам факт наличия на территории

ны, классификации и использования археологических памятников: Сообщ. научн-метод. совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. – М., 1974. – Вып. VII. – С. 23–173; Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. – К., 1978. – 152 с.; Андреева М.В., Дервиз П.Г. Погребальный комплекс эпохи средней бронзы // Краткие сообщения Института археологии. – М., 1989. – Вып. 196. – С. 40–51; Дервиз П.Г. Группа погребений финального этапа среднебронзового века курганов Ставропольской возвышенности // Древности Ставрополя. – М., 1989. – С. 257–269; Арапов С.В. Культура Северо-западного Прикаспия в эпоху средней бронзы. – Автореф. дисс. ... к.и.н. – М., 1992. – 22 с.; Корневский С.Н. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. Неженские курганы эпохи бронзы района Кавказских Минеральных Вод. – М., 1990. – 174 с.; Шарафутдинова Э.С. Новые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и начала раннего железа на Кубани // Древние культуры Прикубанья. – Л., 1991. – С. 70–91; Братченко С.Н. Пряжки эпохи средней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. – СПб, 1995. – Часть II. – С. 8–26; Литвиненко Р.А. К проблеме истоков черногоровского обряда // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К столетию Бориса Николаевича Гракова). III Граковские чтения. – Запорожье, 1999. – С. 155–160; Илюков Л.С. Редкий тип пояса с перламутровыми дисками из погребений бронзового века // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. – Азов, 2001. – Вып. 17. – С. 241–250; Отрошенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). – К., 2001. – 288.

Калмыкии срубных материалов, подавляющее большинство захоронений они отнесли к местной позднекатакомбной культуре (Синицын, 1978; Эрдниев, 1982).

В дальнейшем именно эти два вектора (позднекатакомбный и срубный) были доминирующими при культурной атрибуции лолинских комплексов до начала нашего столетия. Однако то, что погребения близкие по обряду с одинаковыми типами инвентаря разносились по разным культурным контекстам, заставляло сомневаться в правильности предложенных определений культурно-хронологической принадлежности.

Путь к культурному обособлению предкавказских памятников данного периода начался в 70-х гг. XX века. Первый опыт объединения серии лолинских захоронений в пределах классификационной единицы представлен в работах В.А. Сафронова (1974). Большую часть лолинских комплексов, исследованных на территории Калмыкии, он объединил в позднекатакомбную VI группу (горизонт D2). В это же время для территории Западного Предкавказья А.Л. Нечитайло (1978) была предпринята попытка выделения группы погребений финала средней бронзы (III этап северокавказской культуры), в которую были объединены немногочисленные скорченные адоративные захоронения, сейчас относимые к кубанской посткатакомбной группе.

В 80-х гг. археологи касались атрибуции отдельных лолинских погребений, которые попадали в ходе полевых работ в сферу их внимания. Становился понятен переходный характер некоторых захоронений, в том смысле, что их обрядово-инвентарный комплекс органично сочетал черты двух эпох: катакомбной и срубной. Исследователи определяли лолинские погребения как срубные с катакомбным влиянием, катакомбные переходного типа, либо как позднекатакомбные, в которых «ощутим качественный сдвиг в сторону утраты катакомбной традиции» (Андреева, Дервиз, 1989).

Значимым этапом на пути культурного обособления лолинских погребений стала статья П.Г. Дервиза, посвящен-

ная публикации и анализу захоронений финала СБВ Калиновского могильника (Дервиз, 1989). Впервые лолинские комплексы определялись как самостоятельное культурное образование, а при их характеристике использовался термин «культурно-хронологическая группа». Однако ограниченность выборки погребений, которой оперировал исследователь, не позволила вывести их за пределы позднекатакомбного контекста. Интересно, что в том же году, публикуя материалы курганного могильника Веселая Роща III полевого сезона 1980 года, В.Л. Державин называет погребения лолинской культуры «срубoidalными» и отмечает, что пока нет четких критериев их отделения от позднекатакомбных.

Значительно ближе к позиции П.Г. Дервиза стоят выводы С.В. Арапова, изложенные в диссертации, посвященной катакомбным памятникам Северо-западного Прикаспия (Арапов, 1992). Лолинские комплексы им были объединены рамках XII и XIII групп погребений эпохи средней бронзы Северо-западного Прикаспия. Здесь важно то, что в отличие от В.А. Сафронова исследователь полностью отделил лолинские погребения от комплексов предшествующей восточноманычской катакомбной культуры (ВМКК), т.к. его группы заняли в рамках III позднеманычского периода самые верхние позиции, не пересекаясь во времени с комплексами более ранних (собственно восточноманычских) групп. Однако так же, как и П.Г. Дервиз он продолжал рассматривать лолинские памятники в качестве позднекатакомбных.

Особое значение для нашей темы имеют разработки С.Н. Корневского по материалам Центрального Предкавказья, озвученных им на «Крупновских чтениях» в 1986 и 1990 гг. и в монографии, посвященной Неженским курганам (Корневский, 1990). Исследователь отметил наличие двух групп памятников финала СБВ: архонской и аликоновской. Эти группы не относятся к лолинской культуре, но, несомненно, составляют вместе с ней единый посткатакомбный горизонт в Предкавказье. Правомерно был поставлен вопрос о культурной самобытности аликоновской группы. Ее появ-

ление исследователь связывал с кардинальной сменой этнокультурной среды в Центральном Предкавказье, обусловленной миграционными процессами, на заключительном периоде СБВ. Сейчас это находит хорошие типологические параллели в механизме генезиса лолинских памятников.

Вопрос о наличии на территории Прикубанья пласта памятников досрубного времени, которые в курганах перекрывают позднекатакомбные захоронения, поставила Э.С. Шарафутдинова (1991). Ею была выделена немногочисленная группа погребений (около 30), которая была отнесена к культуре многоваликовой керамики (ныне культура Бабино). Однако пребывание носителей бабинских традиций в регионе справедливо было оценено как малочисленное и кратковременное.

Таким образом, к началу 90-х гг. уже сформировалось представление о том, что в Предкавказье есть серия захоронений финала средней бронзы, имеющих «переходный» характер, в которых фиксируется деградация катакомбных культурных стандартов. В отдельных случаях научная интуиция подсказывала исследователям, что в дальнейшем придется определяться с конкретным культурным статусом подобных памятников (Дервиз, 1989; Корневский, 1990).

С середины 90-х гг. все более вырисовывается тенденция культурного обособления лолинских захоронений. Особую и исключительно важную роль в процессе выделения лолинской культуры сыграла статья С.Н. Братченко, посвященная поясным пряжкам и их северокавказским формам (Братченко, 1995). На основании нескольких погребений из раскопок И.В. Сеницына и М.В. Андреевой ученый указал на наличие в Восточном Приманычье горизонта погребений, которые представляют собой «культурное явление, параллельное с культурой Бабино и каменско-ливенцовской группой, но сохранившее связь с местной подосновой».

На основании анализа единичных лолинских комплексов к выводу о существовании отдельного культурного образования в Восточном Предкавказье, которое хронологи-

чески соответствует и близко бабинским древностям, приходят Р.А.Литвиненко и Л.С. Ильюков (Литвиненко, 1999; Ильюков, 2001).

Показательной явилась позиция В.В. Отрощенко. Осознавая, что деструкция катакомбных традиций могла охватывать весь катакомбный мир, а не только ту территорию, на которой формировалось Бабино, он расширил ареал распространения бабинской культуры на Нижнее Поволжье и до предгорий Кавказа, включив в него соответственно и Предкавказье (Отрощенко, 2001). Это было шагом вперед, в том смысле, что ставило вопрос о наличии посткатакомбного пласта между катакомбными и позднебронзовыми памятниками на всем катакомбном пространстве. Однако казалось странным, что на основе различных катакомбных культур и на огромной территории одновременно возникла одна культура – бабинская.

Работа с материалами могильника Островной, который дал серию из 14 лолинских погребений, привела автора к выводу об их хронологической обособленности в рамках финала средней бронзы. Они предварительно были определены как финальнокатакомбные, но уже тогда был подчеркнут распад катакомбных культурных стереотипов и поставлен вопрос о наличии внутренней хронологии этих памятников. Дальнейшие работы все больше акцентировали на этом внимание, а термин «финальнокатакомбные» уверенно дрейфовал в сторону предварительного и рабочего названия. Особый культурный статус лолинских памятников стал приобретать четкие контуры.

Таким образом, выделение лолинской культуры, которая принадлежит к числу посткатакомбных культурных образований, было подготовлено, с одной стороны, многолетними исследованиями по вычленению памятников финала средней бронзы в материалах Предкавказья, а, с другой, плодотворными работами коллег в области изучения бабинских памятников.

Глава 2.

Территория распространения и погребальный обряд.

2.1 Территория распространения. Подавляющее большинство погребений долинской культуры сосредоточено в Северо-западном Прикаспии, на территории Ергенинской возвышенности и прилегающих районов Сарпинской и Прикаспийской низменностей, в кумо-манычской впадине и восточной части Ставропольской возвышенности. Северная граница ареала проходит по северу Астраханской и южной окраине Волгоградской областей. Западную границу можно провести к северо-востоку от озера Маныч-Гудило в Ростовской области и по левобережью среднего течения р. Егорлык. Южным пределом является р. Томузловка в Ставропольском крае и правобережье среднего течения р. Кумы. Восточную границу определить наиболее затруднительно, ввиду фактической неизученности восточной и юго-восточной частей территории Калмыкии.

2.2. Характеристика погребального обряда. Лолинская культура представлена исключительно курганными захоронениями. Отсутствие выраженных поселенческих памятников обусловлено подвижностью групп, населявших восточнопредкавказскую степь в бронзовом веке.

Известны как одиночные лолинские курганы в составе более ранних могильников, так и отдельные скопления насыпей, возведенные носителями посткатакомбных традиций, в пределах курганных полей эпохи бронзы. В посткатакомбное время появляются могильники, обособленные от курганных ансамблей предшествующих культур бронзовой эпохи. Лолинские курганы иногда сопровождалась каменными кромлехами, оградами и ровиками.

Из всех лолинских погребений 22% являлись основными в курганах, 2% сопровождалась досыпками, остальные впускные. Могильные сооружения представлены обычными ямами, ямами с заплечиками, подбоями и катакомбами.

В южной части ареала чаще встречаются каменные перекрытия могил, в северной – деревянные.

Лолинские захоронения в основном одиночные, но известны и коллективные, которые составляют 6,2% от всех погребений культуры. Изредка встречаются погребения с деформированными черепами и элементами расчленения или вторичного захоронения. Основное положение скелетов в лолинской обрядности – скорченно на левом боку. Ориентировка погребенных по черепу разнообразна. Доминантными являются северный и северо-восточный векторы. Реже, но стабильно встречаются ориентировка в восточный, юго-восточный и южный секторы. Количество ориентировок в западную половину круга заметно ниже, а случаи западной ориентировки единичны. Для лолинской культуры выделено 6 вариантов расположения рук. Господствующей была поза адорации, которая составляет 77% от всех погребений с установленной позицией рук, классическая катакомбная позиция с вытянутыми к коленям руками составляет 9%. Погребения нередко сопровождалось костями животных, чаще всего в могилу помещалась лопатка МРС. Изредка в погребениях встречается охра, куски серы и ярозита.

Анализ материала позволяет разделить лолинские захоронения на 10 обрядовых групп (ОГ). Общим для 9 групп (X ОГ – кенотафы) является скорченное, в подавляющем большинстве, левобочное положение скелета. Основанием для разделения являются признаки: «могильная конструкция», «ориентировка костяка» и «положение рук». В соответствии с векторами ориентировок ОГ объединены в три группы «традиции С, Ю и В». В численном отношении доминирующей была посткатакомбная «традиция С», которая составляет более половины (54%) от всех погребений культуры. Количество комплексов пережиточной катакомбной «традиции Ю» заметно ниже (27,4%), погребения «традиции В» составляют 15,3%. Обрядовые группы и традиции не просто классификационные единицы, в них отражаются, с одной стороны, эволюция похоронного ритуала и, соответственно,

внутренняя периодизация лолинской культуры, а с другой, механизмы сложения и культурные составляющие лолинских памятников.

Как и любая система признаков, лолинский обрядовый комплекс обладает специфическими чертами, позволяющими его отличить от других систем, которые функционировали в поле с близкими координатами хронологического и территориального характера.

Глава 3.

Характеристика погребального инвентаря и сопоставительные материалы.

Погребальный инвентарь лолинской культуры представлен керамической посудой, металлическими, каменными, костяными орудиями, предметами вооружения и металлическими, фаянсовыми, костяными, роговыми, раковинными, каменными украшениями. Однако встречается инвентарь в могилах нечасто. Выраженная безынвентарность погребений – характерная черта для всех посткатакомбных образований. Погребения без сопровождающих вещей составляют 38,4% от всех захоронений культуры. Причем, развивается Лола по пути нарастания удельного веса безынвентарных комплексов.

3.1. Керамическая посуда. Меньшую часть *керамического комплекса* составляют сосуды пережиточной восточноманьчжурской морфологии: реповидный горшок, кувшины, двуручные «амфоры». Большую часть представляют новые посткатакомбные типы: банки, ковши, округлобокие плавно профилированные горшки. Орнаментация на лолинской посуде встречается редко. Она демонстрирует черты деградации катакомбной традиции и новые композиции и мотивы, получившие развитие в эпоху поздней бронзы.

3.2. Орудия из металла представлены бронзовыми *ножами и шильями*. Лолинская культура не выработала собственных типов бронзовых орудий. Все типы ножей и шиль-

ев восходят к катакомбным формам. В качестве определенной новации можно отметить широкую эксплуатацию узколезвийных листовидных клинков и редкое использование ножей других катакомбных типов: редуцированных пламявидных и пиковидных, дротикивидных, ромбических, широколезвийных листовидных. Анализ состава металла показал, что большинство орудий изготовлено из традиционной для Кавказа мышьяковой бронзы.

3.3. Изделия из кости и рога. Примечательно обнаружение в лолинских погребениях крупных костяных орудий кожевенного производства: *тупиков и стругов*. Включение этих инструментов в контекст погребального обряда является местной посткатакомбной новацией, которая получила дальнейшее развитие в колесничных культурах. Присутствие дисковидных и полушарных костяных пряслиц в лолинских могилах следует связывать с кавказскими традициями погребального ритуала.

К числу этнографических маркеров лолинской культуры относятся костяные и роговые *конусы и пряжки*. Кроме Лолы, конусы изредка встречаются в днепро-донской бабинской культуре, где они являются подражанием лолинским образцам. Ближайшие аналогии фигурным кольцевидно-планочным поясным пряжкам происходят из материалов гинчинской и присулакской культур Северо-восточного Кавказа. Общность их происхождения не вызывает сомнения.

Оригинальны костяные *наконечники стрел*: черешковый листовидный и втульчатый с боковым шипом, которые не имеют прямых аналогий в синхронном культурном окружении.

3.4. Изделия из камня. К предметам вооружения относятся *кремневые наконечники стрел*, а также *мраморная булава*. Кремневые стрелы черешковые и листовидные с овальным основанием. Они выделяют лолинскую культуру на фоне других среднебронзовых культур восточноевропейской степи, для которых характерны выемчатые наконечники, ни разу не обнаруженные в лолинских комплексах. Була-

ва с четырьмя грибовидными выступами имеет убедительные аналогии в среднебронзовых культурах Северо-восточного Кавказа. К орудиям труда относятся *песты, абразивы, ратиральники, топоры, ретушированные отщепы*.

3.5. Украшения. *Металлические украшения* представлены височными кольцами, фигурными подвесками, бляшками, пуговицами, пронизями и бусами. Большинство их сделано из бронзы. Значительная часть украшений имеет кавказское происхождение. Аналогии им происходят из гинчинских, присулакских, великентских, каякентско-хорочоевских и протокобанских памятников. К типам, выработанным носителями лолинской культуры, относятся колесовидные бусины, которые не встречаются за пределами ее ареала. Проведенные аналитические исследования состава украшений из металла белого цвета, показали, что они сделаны из сурьмы. Сурьмяное литье лолинской культуры также имеет кавказское происхождение.

К числу диагностичных *фаянсовых украшений* относятся бусы с выступами и лепестковидный бисер. Первые характерны для памятников позднего периода СБВ Кавказа, известны в комплексах позднекатакомбных и посткатакомбных культурных образований, а также в погребениях колесничных культур. В типологическом отношении лолинский рожковый и бородавчатый бисер ближе всего стоит к кавказскому и связан с ним своим происхождением. Лепестковидные бусы являются лолинской новацией и только изредка встречаются в материалах соседних культур в непосредственной близости от лолинского ареала. В Лоле представлены и другие типы фаянсовых украшений: сегментовидные, цилиндрические бусы и пронизи, дисковидный бисер.

Остальной гарнитур состоит из *каменных* (сердоликовых, гешировых, гагатовых) бус и пронизей, *костяных* бус и колец, подвесок из *клыков животных и раковин*. Присутствие в лолинской культуре округлых раковинных подвесок с отверстием в центре отсылает к гарнитуру украшений восточнокавказских культур СБВ, где представ-

лены их точные аналогии. Это особенно заметно на фоне отсутствия подобных изделий в северных посткатакомбных культурных образованиях.

Глава 4. Периодизация и хронология.

4.1. Стратиграфические данные показывают, что долиньские погребения в курганах следуют за комплексами ВМКК, в том числе позднего этапа, и перекрыты срубными захоронениями, что определяет посткатакомбный возраст культуры в рамках финала СБВ. Наличие случаев перекрестного стратиграфического соотношения погребений соседних посткатакомбных культурных образований (лолинской, днепро-донской бабинской культур, криволукской культурной группы) в курганах, расположенных в контактных зонах, свидетельствует об их синхронности. Известно 25 курганов, где зафиксированы стратиграфические связи между погребениями лолинской культуры, что создает надежные основания для создания внутренней периодизации Лолы.

4.2. Периодизация. Корреляция стратиграфических данных с характерными обрядовыми чертами и датирующими категориями инвентаря позволяет выделить три этапа в развитии лолинской культуры.

I этап. Раннелолинские захоронения совершены в ямах, нормальных катакомбах, глубоких ямах с заплечиками (ОГ I, IIА, III, IV, V, VIА, VII, VIIIА, IX). Для погребений данного периода фиксируется наиболее высокий показатель собственных насыпей. Он составляет 48% всех захоронений раннего периода. В ориентировках погребенных доминирует «традиция С», а также «традиция Ю». Керамический комплекс представлен сочетанием пережиточной восточно-манычской посуды и новых типов: банок и ковшей. В этот период чаще всего встречаются изделия из металла: ножи, шилья, украшения. Четкими хронологическими индикаторами первого этапа выступают кольцевидно-широкопланочные

пряжки типа Чограй-Кевюды, лепестковидный бисер, подвески из раковин, наконечники стрел, спиралевидные пронызы, сколупковидные бляшки с двумя отверстиями, костяные конусы.

II этап. Происходит стандартизация всех основных культурных показателей. Захоронения совершены в ямах и редуцированных катакомбах (могилах подбойного типа) (ОГ I, ПБ, IV, V, VIБ, VII, VIIIБ, IX). «Традиция С» абсолютно доминирует. «Традиция Ю», большей частью связанная с наследием ВМКК, изживается почти полностью. Происходит унификация керамического комплекса. Исчезают типы, где восточноманычские черты прослеживались отчетливее всего. Преобладает тип округлобоких сосудов с плавным профилем стройных пропорций, выработанный лолинской традицией. Продолжает бытовать баночная посуда и ковши, появившиеся на первом этапе. Seriously сокращается количество орудий из металла. Хронологическими маркерами второго этапа выступают фигурные роговые пряжки типа Ипатово-Типки, лепестковидный бисер, костяные конусы, бронзовые пуговицы.

III этап. Позднелолинские погребения совершены исключительно в ямах (ОГ I, V, VII). По-прежнему доминирующей остается «традиция С», но серьезно возрастает количество погребений с юго-восточной ориентировкой. Прослеживается дальнейшая тенденция количественного уменьшения и обеднения инвентаря. Продолжают использоваться ковши, округлобокие сосуды с плавным профилем и баночная посуда. Из ассортимента погребального приданного исчезают фигурные роговые пряжки, конусы, лепестковидный бисер, бронзовые ножи, металлические украшения кавказского происхождения. Доживают до позднего этапа металлические колесовидные бусины, выработанные лолинской традицией и появившиеся еще на раннем этапе, а также фаянсовые бусы с выступами. На заключительном этапе лолинской культуры распространяется новый тип поясных пряжек-подвесок (Элиста-Калиновский).

Таким образом, эволюция обрядово-инвентарного комплекса культуры идет по пути исчезновения большинства пережиточных катакомбных черт, характерных для раннего периода, развития и утверждения собственных культурных стандартов на развитом этапе и их деградации в позднелолинское время.

4.3. Линии синхронизации строятся на стратиграфических данных, культурно-типологических сопоставлениях и привязках синхронных культур на уровне узко датирующихся категорий инвентаря. Раннелолинские памятники синхронизируются с первым этапом днепро-донской бабинской культуры и ранними комплексами криволукской культурной группы. Они также синхронны поздним этапам гинчинской и присулакской культур на Северо-восточном Кавказе и наиболее ранним протокобанским материалам Северной Осетии. Второй этап Лолы является одновременным второму этапу бабинской культуры и заключительному периоду криволукской культурной группы. Кавказская линия привязок показывает синхронность развитой лолинской культуры памятникам рубежа каякентско-хорочоевской и гинчинской культур и II протокобанскому периоду по периодизации А.Ю. Скакова. Поздние лолинские погребения одновременны заключительному этапу бабинских культур и блоку колесничных культурных образований начала поздней бронзы: памятникам потаповского, синташтинского, покровского типов. На Северо-восточном Кавказе в это время продолжают существовать ранняя каякентско-хорочоевская культура и памятники II протокобанского периода. Отдельно обосновываются линии синхронизации для Лолы, закавказских культур (триалетская, кармирбердской) и культурных образований «постшнурового» мира (воронежская, вольско-лбищенская, абашевская).

4.4. Радиоуглеродная хронология. На сегодняшний день посткатакомбные памятники Предкавказья имеют 20 корректных радиоуглеродных дат, полученных по образцам

из 16 погребений. В соответствии с ними время существования лолинской культуры в системе калиброванных значений укладывается в рамки XXII–XVIII вв. до н.э. Сравнение C^{14} данных с радиоуглеродными датами одновременных культур, в целом, подтверждает правильность выстроенных линий синхронизации.

Глава 5.

Происхождение и историческая судьба.

5.1. Происхождение. *Археологические данные* показывают, что в обрядово-инвентарном комплексе лолинской культуры выделяются два основных компонента: местный восточноманычский катакомбный и культур средней бронзы Северо-восточного Кавказа, прежде всего, гинчинской и при-сулакской. Обе составляющие особенно ярко выражены на раннем этапе Лолы, т.е. в период ее формирования. В таком случае логично предположить, что материальная культура и погребальный обряд Лолы отражает приток населения с Северо-восточного Кавказа, чье внедрение в местную катакомбную среду привело к коренной культурной трансформации в степном Предкавказье на финальном этапе СБВ. Корреляция типов инвентаря с обрядовыми группами показала явную тенденцию тяготения изделий кавказского происхождения, артефактов из металла, вещей-маркеров повышенного социального статуса и предметов вооружения к захоронениям носителей ОГ I–III «традиции С», что свидетельствуют об их доминантных позициях в лолинском обществе. Представители обрядовых групп VII–IX «традиции Ю», ярче остальных демонстрирующие пережиточные восточноманычские признаки, находились если не в подчиненном, то, по крайней мере, во второстепенном положении. Они являлись наиболее консервативной частью посткатакомбного социума, механизм существования которых, направленный на сохранение структурных элементов предшествующего периода, был обречен на исчезновение в ходе дальнейшего развития лолинской культуры.

Предложенный сценарий миграции подтверждают *краниологические данные*, которые, с одной стороны, демонстрируют генетическую связь Лолы и ВМКК, а, с другой, выявляют сходство лолинской серии с краниометрическими данными черепов средней бронзы Северо-восточного Кавказа.

Причина передвижения восточнокавказского населения в степь устанавливается по *данным палеопочвоведения*. Посткатакомбные погребенные почвы свидетельствуют о том, что лолинская культура сформировалась на пике аридности в степи, который являлся самой масштабной экологической катастрофой за последние 6 000 лет. Именно аридизация, приведшая к резкому сокращению зимних пастбищ на Кавказе, послужила толчком к передвижению значительных скотоводческих групп этого региона в степь, где существовали более благоприятные условия для содержания скота в холодный период.

5.2. Лолинская культура и блок посткатакомбных культурных образований. Лолинская культура входит в обширный посткатакомбный блок, который сформировался в финале средней бронзы в степной и отчасти лесостепной зонах Восточной Европы. Кроме предкавказских культурных групп к нему относятся днепро-донская и днепро-прутская бабинские культуры Северного Причерноморья, Северо-восточного Приазовья и Нижнего Подонья, криволукская культурная группа Нижнего Поволжья и волго-уральская группа. Термин «посткатакомбный» подразумевает не только хронологическую позицию, но и генетическую связь новых культур финала средней бронзы с предшествующими культурами катакомбного круга. Вышеперечисленные культурные образования занимают единый ареал, в котором каждая составляющая блока имеет свою территорию. Культуры, входящие в блок, демонстрируют эпохальные черты сходства в развитии (материальной культуре, погребальном обряде, хозяйственном укладе), обусловленные определенной общностью происхождения и исторических судеб. Возникновение

поскатакомбного блока, по крайней мере, на территории Днепро-Волжского междуречья, Волго-Уралья и Предкавказья, было во многом катализировано тем же миграционным импульсом кавказского происхождения, одним из первых звеньев которого в цепочке культурных трансформаций на юге Восточной Европы в финале СБВ стало формирование долинской культуры.

5.3. Историческая судьба. Лолинская культура и культурогенез начала поздней бронзы. Посткатакомбные группы Северо-западного Прикаспия оказали ощутимое влияние на культурогенез начала поздней бронзы и генезис колесничных культурных образований. Наиболее отчетливо участие лолинской культуры и ее деривата волго-уральской группы прослеживается в обрядово-инвентарном комплексе *синташтинской культуры*. К южным посткатакомбным элементам в синташтинской обрядности относятся распространение адоративного (по сути восточнокавказского и предкавказского) обряда и юго-западных ориентировок, а также спорадическое использование могил с подбойной конструкцией. Хорошо прослеживается обсуждаемая генетическая связь и в инвентарном комплексе. Это фаянсовые бусы с выступами, наборы из раковинных подвесок и клыков, в типологическом отношении полностью идентичные кавказским и предкавказским, костяные одношипные стрелы и наконечники с округлым сечением, имеющие прямые аналогии на Северо-восточном Кавказе, металлические узколистовидные ножи без перекрестья, являющиеся основным типом в лолинской культуре, тесла, ближайшие аналогии которым известны в позднейших восточноманычских памятниках и погребениях волго-уральской группы, мышьяковая бронза по традиционной кавказской рецептуре, медные сплавы с лигатурой цинка, уходящие корнями в среднюю бронзу Предкавказья. Есть данные и о некоторых кавказских чертах синташтинского керамического комплекса. Некоторые следы восточнокавказского и предкавказского импульса фиксируются в материалах ранних покровских и потаповских памятников.

Все эти наблюдения подтверждаются и данными кра­ниологии. В сериях Потаповки и Синташты, наряду с мезо­кранными и брахикранными черепами, отчетливо прослежи­вается наличие южноевропейского долихокранного типа.

Дальнейшая судьба лолинской культуры позднего этапа оказалась тесно связана с территориальным распро­странением новых позднебронзовых традиций горизонта щитковых псалиев, в зарождении которых немаловажную роль в свое время сыграли предки поздних лолинцев. Про­движение на юг *носителей покровских традиций* привело к сокращению ареала лолинской культуры. Посткатакомбные группы были вытеснены с территории юга волгоградского Поволжья, которая на первом и втором этапах Лолы входила в основной ареал культуры.

Впоследствии позднелолинские древности стали гене­тической подосновой распространения на территории Цен­тральной Калмыкии и Ставрополя местного варианта *бе­режновско-маевской срубной культуры*.

В Заключении подведены итоги исследования, на основе которых лолинская культура рассматривается в кон­тексте модели В.С. Бочкарева о функционировании очагов культу­рогенеза. Именно посткатакомбные группы южного происхождения, принявшие участие в сложении колеснич­ных культур, обеспечили генетическую связь кавказского и волго-уральского очагов культу­рогенеза.

**По теме диссертации автором опубликованы
следующие работы:**

Работы, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук

1. *Мимоход Р.А.* Лолинская культура финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия / Р.А. Мимоход // Российская археология. – М., 2007. – № 4. – С. 143–154.

2. *Мимоход Р.А.* Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований / Р.А. Мимоход // Краткие сообщения Института археологии. – М., 2011. – С. 28–53.

3. *Мимоход Р.А.* Палеопочвы и природные условия южнорусских степей в посткатакомбное время / А.В. Борисов, Р.А. Мимоход, В.А. Дёмкин // Краткие сообщения Института археологии. – М., 2011. – С. 144–154.

Монографии

4. *Мимоход Р.А.* Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов / Р.А. Мимоход // Материалы охранных археологических исследований. – М., 2009. – Т. 10 – 292 с.

5. *Мимоход Р.А.* Курганы позднего периода среднего бронзового века у станицы Архонская в Северной Осетии / Корневский С.Н., Мимоход Р.А. – М., 2011 – 120 с.

*Публикации по теме диссертации в русских
и зарубежных научных изданиях*

6. *Мимоход Р.А.* Погребения финала средней – поздней бронзы могильника Островной / Р.А. Мимоход // Мо-

гильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. – М., Элиста, 2002. – С. 228–244.

7. *Мимоход Р.А.* О погребениях финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия / Р.А. Мимоход // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тез. докл. конф. – М., 2003. – Часть I. – С. 103–107.

8. *Мимоход Р. А.* Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья / Р.А. Мимоход // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. Тез. докл. конф. – Волгоград, 2004 – С. 108–114.

9. *Мимоход Р.А.* Радиоуглеродные данные финально-катакомбных погребений могильника Манджикины I и некоторые вопросы датирования памятников рубежа эпохи средней и поздней бронзы Северо-Западного Прикаспия / Р.А. Мимоход, Н.И. Шишлина // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. конф. – М., 2004. – С. 124–127.

10. *Мимоход Р.А.* Поздние курьницы восточномамычской катакомбной культуры / Н.В. Панасюк, Р.А. Мимоход // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. конф. – М., 2004. – С. 140–142.

11. *Мимоход Р.А.* Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) / Р.А. Мимоход // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Тез. докл. конф. – Луганськ, 2005 – С. 70–74.

12. *Мимоход Р.А.* Роговые и костяные поясные пряжки и подвески лопанской культуры / А.А. Калмыков,

Р.А. Мимоход // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Луганськ, 2005 – № 4. – С. 201–234.

13. *Мимоход Р.А.* Погребения финала средней бронзы бассейна р. Кубань / Р.А. Мимоход // Первая абхазская международная археологическая конференция. Древние культуры Кавказского Причерноморья. Материалы конференции. – Сухум, 2006. – С. 249–253.

14. *Мимоход Р.А.* О южных рубежах лолинской культуры / А.А. Калмыков, Р.А. Мимоход // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. конф. – Нальчик, 2006. – С. 89–91.

15. *Мимоход Р.А.* Курганный могильник Песковка I / В.В. Дворниченко, О.В. Лопан, Р.А. Мимоход // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Волгоград, 2006. – вып. 3. – С. 6–20.

16. *Мимоход Р.А.* Кости животных в лолинских погребениях как культурно-хронологический индикатор / Р.А. Мимоход // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Луганськ, 2007. – № 7. – С. 118–127.

17. *Мимоход Р.А.* Металлокомплекс памятников посткатакомбного горизонта Предкавказья / Е.И. Гак, Р.А. Мимоход // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Тез. докл. конф. – Махачкала, 2007. – С. 89–96.

18. *Мимоход Р.А.* Новые радиоуглеродные даты посткатакомбных погребений Нижнего Поволжья и степного Предкавказья / Н.Н. Ковалюх, Р.А. Мимоход // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международная Нижневожская археологическая конференция. Тез. докл. конф. – Волгоград, 2007. – С. 35–39.

19. *Мимоход Р.А.* Сурьмяные украшения в погребениях лолинской культуры юго-запада степного Ставрополя / Е.И. Гак, А.А. Калмыков, Р.А. Мимоход // Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Отражение цивилизационных процессов в археологических

культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Тез. докл. конф. – Владикавказ, 2008. – С. 119–123.

20. *Мимоход Р.А.* Краниология населения степного Предкавказья и Поволжья в посткатакомбное время / А.А. Хохлов, Р.А. Мимоход // Вестник антропологии. – М., 2008. – вып. 16. – С. 44–70.

21. *Мимоход Р.А.* О верхней дате вольско-лбищенской культурной группы / Р.А. Мимоход // Археологические памятники Восточной Европы. Тез. докл. конф. – Воронеж, 2009. – вып. 13. – С. 276–278.

22. *Мимоход Р.А.* Радиоуглеродная хронология посткатакомбных культурных образований Предкавказья / Р.А. Мимоход // Пятая Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. конф. – Краснодар, 2009. – С. 253–257.

23. *Мимоход Р.А.* Металл изделий посткатакомбных памятников степного Предкавказья / Е.И. Гак, Р.А. Мимоход // Пятая Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. конф. – Краснодар, 2009. – С. 66–68.

24. *Мимоход Р.А.* Лолинская культура: хронология и происхождение / Р.А. Мимоход // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. конф. – Магас, 2010. – С. 247–250.

25. *Мимоход Р.А.* Погребения финала средней бронзы в Волго-Урале и некоторые проблемы регионального культурогенеза / Р.А. Мимоход // Донецкий археологичний збірник. – Донецьк, 2010. – № 13/14. – С. 67–82.

26. *Мимоход Р.А.* Хронология криволукской культурной группы / Р.А. Мимоход // XVIII Уральское археологическое совещание. Тез. докл. конф. – Уфа, 2010. – С. 158–160.

27. *Мимоход Р.А.* Палеоэкологические условия и механизмы сложения лолинской культуры / А.В. Борисов, Р.А. Мимоход // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Нижневолжской археологической конференции. – Астрахань, 2010. – С. 54–60.

28. *Мимоход Р.А.* О южном компоненте синташтинского культуругенеза / Р.А. Мимоход // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб.–М.–Великий Новгород, 2011. – Т. I. – С. 246–247.

29. *Мимоход Р.А.* Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований / Р.А. Мимоход // Краткие сообщения Института археологии.– М., 2011. – № 225. – С. 28–53.

30. *Мимоход Р.А.* Северные типы костяных и роговых пряжек финала средней – начала поздней бронзы на Кавказе и Предкавказье / Р.А. Мимоход // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Вторая Абхазская Международная конференция. – Сухум, 2011. – С. 36–47.

31. *Мимоход Р.А.* О загадочных костяных конусах в комплексах лолинской и днепро-донской бабинской культуры / Р.А. Мимоход // Донецкий археологічний збірник. – Донецьк, 2011. – № 15. – С. 36–47.

32. *Мимоход Р.О.* Кістяні та рогові пряжки фіналу середньої – початку пізньої бронзи у Східній Європі та на Кавказі як хронологічні індикатори та свідчення культурних контактів / Р.А. Мимоход // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Луганськ, 2011. – № 11. – С. 201–216.

33. *Мимоход Р.А.* Роль природной среды в сложении лолинской культуры / А.В. Борисов, Р.А. Мимоход // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб.–М.–Великий Новгород, 2011. – Т. II. – С. 370–371.

34. *Мимоход Р.А.* Палеопочвы и природные условия южнорусских степей в посткатакомбное время / А.В. Борисов, Р.А. Мимоход, В.А. Дёмкин // Краткие сообщения Института археологии. – М., 2011. – № 225. – С. 144–154.

35. *Мимоход Р.А.* Курганы позднего периода среднего бронзового века у станицы Архонская в Северной Осетии / С.Н. Кореневский, Р.А. Мимоход. – М., 2011. – 120 с.

36. *Мимоход Р.А.* Посткатакомбный период в Предкавказье / Р.А. Мимоход // Новейшие открытия в археологии

Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. – Махачкала, 2012. – С.100–102.

37. *Мимоход Р.А.* Фаянсовые бусы с выступами в Восточной Европе в контексте культурно-генетических процессов в конце средней – начале поздней бронзы / Р.А. Мимоход // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося отечественного археолога Михаила Петровича Грязнова. – СПб, 2012. – С.137–144.

38. *Мимоход Р.А.* Радиоуглеродные даты погребений днепро-донской бабинской культуры из одиночного кургана Ясиновский III на Северском Донце/ Р.А. Мимоход // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. – Луганськ, 2012. – С. 295–299.

Подписано к печати 28.01.2013. Формат 60×84/1/16
Бумага офсетная. Печать на ризографе.
Гарнитура Times New Roman. Тираж 100 экз.

Отпечатано в Лаборатории множительной техники
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института археологии РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19